

Институт иностранных языков
Дальневосточный государственный университет
ул. Суханова, 8, Владивосток, 690600, Россия
E-mail: gys@phil.dvgu.ru

ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПТОВ *CYNING* И *DRYHTEN* В РАМКАХ ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОГО ПЕРИОДА (НА МАТЕРИАЛЕ ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОЙ ПОЭЗИИ) *

Настоящее исследование посвящено изучению англосаксонских концептов *CYNING* и *DRYHTEN* в русле когнитивного подхода, который в настоящее время приобретает все большую актуальность. Реконструкция концептуальных структур, находящихся отражение в языке, дает возможность восстановить фрагменты картины мира носителей данного языка. Будучи единицей мыслительной деятельности, отдельно взятый концепт является частью общей картины мира и имеет свою специфическую репрезентацию в языке на любом этапе его развития. Концепт как единица ментального уровня [Кубрякова, 1988; Кравченко, 1999; Кузнецов, 2000; Лебедько, 2002; и др.], содержащая все знание человека о том или ином объекте действительности, представляет собой совокупность признаков, определенным образом структурированных [Лебедько, 2002]. В силу того, что концепт находит отражение в языке, именно язык обеспечивает доступ к концептам и дает возможность их реконструировать.

The paper focuses on the study of Old English concepts *CYNING* and *DRYHTEN*. The reconstruction of the concepts reveals certain differences between the concepts under study and significant changes in their structure. The changes in the conceptual structure are believed to appear due to the replacement of Germanic pagan notions with Christian ideals and values.

В данной работе рассматривается содержание концептов *CYNING* и *DRYHTEN* с целью выявить динамику их концептуального содержания в рамках древнеанглийского периода. Древнеанглийский период весьма значителен по времени – от начала письменных памятников (VII в.) до конца XI в. Кроме того, этот период неоднороден в мировоззренческом плане [Феоктистова, Лемберская, 1981], так как вмещает в себя смену ценностей, их переосмысление, введение новых идеалов и стереотипов поведения, возникших после введения христианства на Британских островах.

Реконструкция концептов *CYNING* и *DRYHTEN* в настоящем исследовании проводилась на материале древнеанглийских героических поэтических памятников – «Беовульф», «Битва при Мэлдоне», «Битва при Брунанбурге», «Финнсбургский отрывок», и поэм о христианских святых – «Юлиана», «Андрей», «Елена», автором которых считается монах Кюневульф, живший во второй половине VII в. Таким образом, исследование проводится на материале поэм, разнообразных по содержанию, в которых находят отражение и древние языческие, и христианские представления о мире.

Принимая во внимание архаичность древнеанглийской поэзии и ее свойство отражать особенности более раннего осмысления мира, можно утверждать, что анализ текстов позволит выявить динамику в содержании исследуемых концептов в рамках древнеанглийского периода.

Методика анализа концептов, принимаемая в данной работе, основана на дефиниционном, контекстуальном, этимологическом и концептуальном анализе. Анализ словарных дефиниций, как правило, позволяет выявить доминантный признак в структуре концептов, анализ функционирования лексических единиц в рамках контекста – более точно определить значение исследуемых единиц, анализ этимологических данных родственных языков – расширить представления о стоящей за концептом сущности, следовательно, выделить ряд дополнительных признаков. Именно обращение к этимологическим данным дает возможность вычленивать культурно-специфические признаки в структуре англосаксонских концептов. За основу концептуального анализа принимается методика анализа именной и глагольной сочетаемости, вслед за

* Исследование выполнено в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых № МК-2625.2005.6.

Л. О. Чернейко [1997]. Из анализа сочетаемости выявляются концептуальные признаки, составляющие содержание концепта. Невозможность обращения к интуиции носителей языка и различия в мировосприятии обуславливают важность интерпретации концептов в историко-культурном контексте.

О значимости концептов CYNING и DRYHTEN в англосаксонской культуре позволяет судить высокая частность соотносящихся с ними лексем *cyning* и *dryhten*. Из многочисленных обозначений, существовавших в древнеанглийской поэзии для германских конунгов, в исследуемом нами материале данные лексемы имеют наибольшую частоту употребления (159 и 127 соответственно), что подтверждает значимость соответствующих концептов в англосаксонской картине мира. Лексема *cyning* встречается буквально с первых строк поэм. Анализ словарной дефиниции позволяет выявить в структуре концепта CYNING признак «вождь, король, правитель»: *king, ruler, emperor* [Bosworth, Toller, 1997]. По свидетельству историков, знать существовала уже у древних германцев [Гуревич, 1999]. Конунг избирался из числа лиц, входивших в состав племени, и считался его представителем [Ibid.]. Это подтверждается и результатами этимологического анализа: лексема *cyning* является производной от *synn* – племня, род. Суффикс *-ing* имеет значение «сын такого-то», «из рода такого-то» [Ibid.]. Кроме того, в «Беовульфе» часты употребления лексемы *cyning* в составе сложного слова *þeodcyning* – вождь племени (Beo, 2), *leodcyning* – вождь племени (Beo, 54). Таким образом, мы выделяем концептуальные признаки «принадлежащий к племени», «возглавляющий племя». У К. Тацита упоминается о том, что у германцев существовали и вожди, и короли, но функции их различались [Тацит, 2002]. Однако анализ языкового материала свидетельствует о нечеткости разграничения понятий «вождь» и «король». В изученных нами текстах отсутствуют упоминания о вожде племени отдельно от короля. Напротив, в данные понятия скорее совмещаются, нежели разграничиваются, поэтому понятия «вождь» и «король» в настоящем исследовании равнозначны.

Король у германцев возглавлял племя, имел власть, но территория, которую населяло племя, ему не принадлежала, как это было в эпоху феодального строя [Bosworth, Toller, 1997]. В исследуемых текстах герои-

ческих поэм действительно встречаются только такие сочетания, как *Frescyning* – король фризов (Beo, 2503), но не король фризской земли (фризского государства). Но в религиозных поэмах тем не менее можно встретить сочетания *Israhela cining* – царь Израиля (El, 799), *cyning Iudea* – царь иудейский (An, 1325), *Romwara cyning* – римский император (El, 62).

В поэме «Беовульф» часты употребления сочетания *þæt wæs god cyning* – это был настоящий конунг (Beo, 11)¹. Как правило, таким сочетанием завершаются эпизоды, где восхваляется тот или иной конунг и перечисляются его достоинства. И так, каким же должен быть германский конунг? Образцом конунга служит, вероятно, Скильд Скевинг, о котором упоминается в экспозиции поэмы «Беовульф»: *Oft Scyld Scefing sceaþena þreatum / monegum mægþum, meodo-setla ofteah, / egsode eorlas. <...> weorðmyndum þah, / oðþæt him æghwylc þara ymbsittendra / ofer hronrade... scolde / gomban gyldan. Þæt wæs god cyning!* – Часто Скильд Скевинг врагов войска, / многих родичей от пиршественной скамьи отрывал, / наводил страх на воинов. <...> славой процветал, / с тех пор, как ему каждое из соседних племен / через дорогу китов... должно было / дань платить. Это был настоящий конунг! (Beo, 4–11). Можно предположить, что в таких сочетаниях прилагательное *god* – смелый, храбрый, прославленный, расширяет свое значение и вбирает в себя все положительные характеристики конунга.

Представление о личностных качествах, которыми должен обладать идеальный конунг, выводится из буквального прочтения сочетаемости лексемы *cyning* с прилагательными *headorof* – смелый в бою (Beo, 2191), *niðheard* – смелый в бою (Beo, 2417), *sigerof* – победоносный (Beo, 619; El, 158), *frod* – мудрый (Beo, 1306), *bregorof* – могущественный (Beo, 1925), *rumheort* – щедрый, добросердечный (Beo, 2110), *beadurof* – храбрый в бою (El, 152).

Поскольку военные столкновения между племенами были нередки в Британии VI–VIII вв., вождь племени был, прежде всего, военным предводителем. Его основной обязанностью было защищать своих людей от нападок соседних племен и возглавлять дружину в военных предприятиях, о чем свидетельствуют такие употребления,

¹ Здесь и далее приводится авторский перевод.

как *gudcyning* – конунг войны, воинственный конунг (Вео, 1969, 2563), *beorncyning* – предводитель воинов (Вео, 2135). Концептуальный признак «охраняющий племя» выделяется из следующего контекста: *cyning*, / *folces hyrde* – конунг, / племени хранитель (Вео, 2980–2981).

Хороший конунг должен был стремиться к славе, которую следовало ценить больше жизни. Контекстуальный анализ эпизода, где описывается последняя битва Беовульфа с драконом, показывает, что именно мысль о славе придала герою силы и помогла ему победить врага: ...*gudcyning* / *mærga gemunde*, *mægenstrengo sloh*, / *hildebille* – воинственный конунг / о славе вспомнил, с силой ударил / мечом боевым (Вео, 2678–2670). Таким образом, выделяется концептуальный признак «стремящийся к славе», имеющий важное значение в контексте германского мироощущения.

Весьма значимым в контексте германской культуры оказывается концептуальный признак «раздающий сокровища»: *Swa se ðeodkyning* *beawum lyfde*. / ... *he me maðmas geaf* – так этот конунг обычай уважил / ... он мне сокровища даровал (Вео, 2144–2146). Согласно представлениям того времени, вместе с сокровищами вождь передавал воинам свою доблесть и удачу [Гуревич, 1975; Гвоздецкая, Шапошникова, 2001]. Языческое представление о судьбе рисовало ее как индивидуальную долю отдельного человека; у одних людей удачи могло быть больше, у других меньше. Король считался самым «богатым» счастьем и удачей человеком. Считалось, что везенье короля распространяется и на дружину, поэтому, награждая воинов оружием и драгоценностями – материализацией своей удачи, конунг передавал им частицу своего везения [Гуревич, 1975]. Скупость конунга была большим несчастьем для воинов и, в конечном счете, губила и самого конунга. Раздача сокровищ проводилась во время пиров, которые должен был устраивать конунг после удачного похода: *wolde self cyning symbel ricgan* – хотел сам конунг пир разделить (Вео, 1010). В указанном контексте нам видится экспликация концептуального признака «устраивающий пир».

Если конунг отважен, щедр, то он пользуется любовью и уважением. В текстах можно встретить такие сочетания, как *leaf leodcyning* – любимый вождь племени (Вео, 54).

Языковой материал героических поэм показывает, что лексема *cyning* применяется для обозначения конунга как лица, официально наделенного полномочиями власти, и лица, имеющего верховную власть. Об актуализации концептуального признака «верховное лицо» позволяет судить семантика сложного слова *heahcyning* – верховный вождь (Вео, 1039). Обращает на себя внимание тот факт, что *cyning* в «Беовульфе» обозначает не просто предводителя дружины, а именно короля. Более того, употребление *cyning* в значении «король» всегда сопровождается описанием или хотя бы упоминанием богато украшенного королевского дворца, пышной свиты, пира, раздачи сокровищ. Наш вывод находит подтверждение и в работах других исследователей. Как отмечает Е. А. Шервуд, термин *cyning* используется по отношению к Беовульфу только после того, как он стал королем, тогда как лексемой *þeoden*, например, Беовульфа именуют и в то время, когда он еще не был королем, и после избрания его королем [Шервуд, 1998]. Из сказанного следует, что признаки «верховное лицо», «имеющий верховную власть» доминировали в структуре концепта CYNING.

Итак, в рамках героической картины мира англосаксов концепт CYNING раскрывается как царь и смелый, отважный предводитель воинов, стремящийся к славе, наводящий страх на врагов, щедро раздающий богатства и милости дружине.

Введение христианства оказало сильное влияние на мировоззрение англосаксов. Меняются ценности, идеалы, стереотипы поведения, жизненные ориентиры. Изменениям подвергается и концепт CYNING, в котором появляется новый признак «Бог, Христос», что подтверждается наличием в словарной дефиниции лексемы *cyning* толкования *a spiritual King, God, Christ* [Bosworth, Toller, 1997]. Появление данного признака в структуре концепта CYNING, несомненно, обусловлено влиянием христианской картины мира. Основой переосмысления послужили, вероятно, концептуальные признаки «вождь, владыка», «имеющий власть», «верховное лицо». Люди, живущие на земле, могут рассматриваться как одно племя, которое подчиняется Богу, подобно тому, как германское войско подчиняется конунгу. Нужно отметить, что в «Беовульфе» случаи употребления слова *cyning* в значении «Бог, Христос» весьма нечасты, а в поэмах

«Битва при Мэлдоне», «Битва при Бруннбурге», в «Финнсбургском отрывке» такие употребления отсутствуют вообще. В религиозных поэмах конечно же гораздо более часты случаи употребления лексемы *cyning* для обозначения Христа: ...*cyning* sona agas, / ...*uđum stilde* – Царь вскоре поднялся, / ...*more* успокоил (A, 450–451).

Необходимо отметить, что, несмотря на появление нового концептуального признака «Бог, Христос», в религиозных поэмах весьма часты употребления лексемы *cyning* в значении «царь, владыка», что свидетельствует об экспликации концептуального признака «верховное лицо». В поэме «Елена», например, нередки случаи употребления лексемы *cyning* в значении «царь, император» по отношению к реальным историческим фигурам: *Romwara cyning* – царь римлян (E, 62), *Constantino cyning* – император Константин (E, 145), *Dauid cyning* – царь Давид (E, 342). Нередки и такие сочетания, как *ealra cyninga cyning* – всех царей Царь (Jul, 289, An, 978), *heofona heahcyning* – небес верховный Царь (An, 6). В приведенных сочетаниях нам видится экспликация концептуального признака «имеющий верховную власть». Кроме того, в исследуемом материале встречаются и такие сочетания, как *helwarena cyning* – царь обитателей ада (Jul, 322, 437, 544). Представляется, что в подобных сочетаниях также эксплицируется признак «имеющий верховную власть». Обращает на себя внимание сочетаемость лексемы *cyning* с прилагательным *arleas* – жестокий: *arleas cyning* – жестокий конунг (Jul, 4). Речь идет о Максимиане, соправителе римского императора Диоклетиана, во время правления которого и происходят события, описанные в поэме «Юлиана». Подобная сочетаемость невозможна в героической поэзии, где вырисовывался положительный образ конунга – великодушного, щедрого, храброго. Представляется, что признак «жестокий», выводимый из атрибутивной сочетаемости с *arleas*, является более чем второстепенным, и уточняет скорее концепт МАКСИМИАН, нежели CYNING. В свете вышесказанного, можно предположить, что для концепта CYNING наиболее значимым оказывается признак «верховное лицо». Значимость именно этого признака объясняет возможность применения лексемы, соотносящейся с данным концептом, для обозначения и Бога, и царя Давида, и императоров Максимиана, Констан-

тина Великого, и германского конунга – предводителя войска.

Несомненно, у англосаксов должны были возникать ассоциации, что Бог – это Тот, Кому подчиняются все. О таком понимании свидетельствуют и следующие строки: *cin-ing cwicera gehwæs* – Царь каждого создания (An, 912). Кроме того, из буквального прочтения сочетания *cyning engla* – Царь ангелов (An, 828; E1, 79) выделяется концептуальный признак «тот, кому подчиняются ангелы». С указанными признаками переплетается признак «всемогущий», выделяемый из сочетания *cyning ælmihtig* – Царь всемогущий (E1, 145, 865, 1151).

Интересно, что для обозначения Бога лексема *cyning* употребляется, как правило, в составе сложных слов *heofoncyning* – Царь Небесный (A, 92; Jul, 360; E1, 170), *sođcyning* – истинный Царь (Beo, 3055). Земные правители могут называться *wyruldcyning* – царь мира, или *eorđcyning* – царь земной (Beo, 1155; E1, 1173), в противоположность Царю Небесному. Представляется, что это можно объяснить опять-таки актуализацией признака «верховное лицо». Вероятно, с концептом CYNING была связана стойкая ассоциация «царь, правитель», поэтому и требовались дополнительные уточнения.

Если в героическом эпосе встречаются формульные фразы *þæt wæs god cyning*, в религиозных поэмах часты сочетания: *þæt is soþ cyning* – это истинный Царь (Jul, 224; E1, 444), *riht cyning* – настоящий, справедливый Царь (E, 13; An, 120, 324, 700). Такому сочетанию предшествуют строки, раскрывающие смысл, вкладываемый в него, и становится ясно, что *soþ cyning* религиозной поэзии имеет мало общего с *god cyning* героической поэзии. Так, в поэме «Юлиана» дева-мученица отвечает искушающему ее бесу: *Ic to dryhtne min /mod staþelige, se ofer mægna gehwylc /waldeð wideferh, wuldres agend, / sigora gehwylces, þæt is sođ cyning* – ...Я Господу моему / доверяюсь, тому, кто мощью / правит всем, Властитель мира / и всяких побед. Это истинный Царь (Jul, 221–224). В глазах англосакса эпохи христианства только Бог и является истинным Царем.

Кроме того, при употреблении слова *cyning* по отношению к Христу в контекстах обязательно присутствуют элементы, вызывающие стойкие ассоциации с Христом. Так, например, Крест как знак победы не-

отъемлем от образа Спасителя, поэтому часты сочетания с лексемой *rod* – крест: *hwær seo rod wunige radorcyninges* – где этот Крест находится Царя небесного (E1, 624), *rodera cining* (E1, 1074), *rodorcyning* – царь Креста (Jul, 447). О крестной смерти Спасителя напоминает и сочетание *ahangnan cyning* – распятый Царь: *widsæcest fæste / þone ahangnan cyning*, *þam ðu hyrdest æg* – восстанешь / против того распятого Царя, которого ты прежде защищал (E1, 932–933).

Любопытно, что именно лексема *cyning* употребляется в тех контекстах, когда рассказывается о каких-либо эпизодах земной жизни Спасителя: *þæt in BethleHEME BEARN WEALDendes. / cyning anboren*, *cenned wære* – что в Вифлееме сын Властелина, / Царь рожден был (E1, 391–392), *ealra cyninga cyning to swale syllan* – всех царей Царя на смерть отправил (Jul, 289).

К концептуальным признакам, раскрывающим божественную природу Христа, мы относим признак «имеющий славу»: *wuldres cyning* – Царь славы (Jul, 516), *ðu cyninges eart / begen gebungen*, *brymsittendes* – что ты Царя / слуга безупречный, сидящего во славе (An, 527–528).

Бог – это Тот, Кому молятся и Кого любят, соответствующий признак эксплицируется в следующем контексте: *ðe þone ahangnan cyning heriaþ ond lofiað* – те, кто того распятого Царя любят и молятся (E1, 453).

Из атрибутивной сочетаемости с *beorht* – яркий, сияющий выводится концептуальный признак «блестящий, сияющий»: *beorht cyning* – Царь, окруженный сиянием (An, 145, 903). Блеск, сияние, как указывают исследователи, связывалось в сознании англосаксов с сакральностью [Раков, 1995]. Наличие признака сакральности вычитывается также из следующего контекста: *wæteregeða sceal, / ... þurh þyrcining, / ... liðra wuþðan* – ужас воды / ... благодаря Царю славы / ... спокойнее станет (An, 435–437). В этом эпизоде содержится напоминание о том, как Спаситель усмирял штормившее море. Тот, Кому подчиняются стихии, несомненно, наделен сверхъестественным, сакральным даром. Более того, это Тот, Кто способен велением слова воскресить мертвых: *cyninges worde / beoðan Nabrahame mid his eaforum twæm / ... læstan landreste* – словом Царя / велеть Аврааму и его двум потомкам / ... оставить место упокоения (An, 778–781).

С признаком сакральности связан концептуальный признак «святой», выделяе-

мый из следующего контекста: *gewat him þa se halga heofonas secan, / eallra cyninga cining* – отправился этот святой небеса искать, / всех царей Царь (An, 977–978).

Таким образом, исследование показывает, что концептуальные признаки «раздающий сокровища», «стремящийся к славе», «устраивающий пир», обусловленные германским мироощущением, постепенно утрачивают свою значимость. В структуре концепта CYNING появляется новый концептуальный признак «Бог, Христос», возникший в результате переосмысления признаков «вождь, владыка», «имеющий власть», «верховное лицо».

Концепт DRYHTEN, несмотря на кажущееся сходство, оказывается наполненным иным содержанием. Важность исследуемого концепта в англосаксонской картине мира подтверждается высокой частотой употребления лексемы, репрезентирующей данный концепт (127). Подобно концепту CYNING, концепт DRYHTEN обнаруживает в своей структуре признак «вождь, владыка, король», выраженный эксплицитно в словарной дефиниции лексемы *dryhten* – *ruler, lord, prince* [Bosworth, Toller, 1997]. Этимологический анализ не только подтверждает наличие данного признака, но и дает некоторое уточнение, что *dryhten* – это вождь, стоящий во главе племени или войска: дс. *druht* – комитат, племя, фриз. *dregte*, дфр. *dracht, drecht*, двн. *truht* – множество, исл. *drott* – народ, гот. *ga-drauhts* – солдат от *driugan* – проходить военную службу [Bosworth, Toller, 1997]. Согласно исследованиям В. В. Левицкого, корень *dryht-* восходит к германскому корню **dreug-* / *draug-* / *drug-* – вести военные действия, кроме того, соотносится с лит. *draugas* – спутник, товарищ, рус. друг, дружина, восходящими к и.-е. быть прочным, поддерживать [Левицкий, 2000].

Лексема *dryhten* является производной лексемой от существительного *dryht* – дружина, поэтому *dryhten* – это предводитель дружины *dryht*. Данный концептуальный признак подтверждается результатами, полученными в ходе концептуального анализа. Буквальное прочтение сочетаний *gumdryhten* (Beo, 1642), *eorla drihten* (Beo, 1050), *gumena dryhten* (Beo, 1824), *mandryhten* – повелитель воинов (Beo, 1978) свидетельствуют о наличии признака «стоящий во главе дружины» в структуре концепта DRYHTEN. Как показало исследование, лексема *dryhten*

могла применяться для обозначения предводителя отряда: gumdryhten mid / modig on gemonge meodowongas træd – предводитель с ними / храбрый среди отряда по лугам шагал (Beo, 1642–1643). Такое употребление этой лексемы подтверждает наличие концептуального признака «стоящий во главе дружины».

Тем не менее из сочетаемости лексемы *dryhten* с названием племени позволяет предположить, что *dryhten* имел власть не только над дружиной, но и над племенем: Geata dryhten (Beo, 1484, 1831, 2402, 2480, 2560, 2576); drihten Wedera – повелитель ведеров (Beo, 2186). Вероятно, такое употребление стало возможным потому, что в дохристианскую эпоху военной мобилизации подлежало все дееспособное мужское население племени, таким образом, дружина и племя могли быть синонимичны в представлении англосаксов.

Предводитель войска был не только властителем, но и другом своих воинов, о чем свидетельствует сочетаемость с лексемой *wine* – воин, друг в составе сложного слова: Ne hie huru winedrihten wiht ne logon – они своего господина и друга вовсе не забыли (Beo, 862), winedryhten his wætere gelafede – своего владыку водой окропил (Beo, 2722).

Сходство с концептом CYNING обнаруживается в наличии концептуального признака «стремящийся к славе». Конунг не жалеет жизни ради славы, сокровищ: Ne ða mid þam maðmum mærne fioden, / dryhten sinne, driorigne fand – он с сокровищем славного владыку, / господина своего, истекающего кровью нашел (Beo, 2788–2789).

Члены воинской дружины, созданной по модели родовой общины, были обязаны мстить за друзей и вдвойне за своего господина. В поэме «Битва при Мэлдоне» хорошо описывается подобное поведение. Торжественную клятву произносит воин Леофсуну: Ic þæt gehate, þæt ic heonon nelle / fleon fotes trum, ac wille furðor gan, / wrecan on gewinne minne winedrihten – я клянусь, что я отсюда ни шагу / не ступлю, но хочу идти далее, / мстить в сражении за моего повелителя (M, 246–248). К мщению призывает и Дуннере, как его называют в поэме – unorne, ceorl: unorne *humble, simple*, ceorl *yeoman, fee man of the lowest rank* (M, 256). Очевидно, таким способом выражалась идея, что если простолюдин призывает отомстить за погибшего владыку, то воинам, состоящим на службе у конунга, в самом деле, следует

сражаться и мстить: *Dunnere... / unorne ceorl... / bæd þæt beorna gehwylc Byrhtnoð wræce* – Дуннере... / простой йомен... / призывал, чтобы воин каждый за Бюрхтнота отомстил (M, 255–257).

У К. Тацита упоминается, что считалось позорным пережить своего господина и вернуться с поля боя невредимым без него: «...когда дело дошло до боя, постыдно для вождя быть превзойденным храбростью, постыдно для составляющих его свиту не равняться храбростью со своим вождем; но возвратиться с боя живым, когда пал вождь, – значит обесчестить себя на всю жизнь. Защищать его, оберегать, а также свои подвиги присоединять к его славе – самая священная обязанность» [Тацит, 2002]. Итак, если конунгу требовалась поддержка, то воины были обязаны его поддержать. Это свидетельство подтверждается и данными языкового материала: Nu is se dæg cumen / þæt ure mandryhten mægenes behofað – теперь наступил день, / когда наш повелитель в помощи нуждается (Beo, 2646–2647). В «Беовульфе» Виглаф упрекает воинов, испугавшихся защищать своего господина: ða ne dorston ær daredum lacan / on hyra mandryhtnes miclan þearfe – те, кто не осмелились прежде копья поднять, / когда их господин в этом очень нуждался (Beo, 2848–2849). Лишиться конунга было величайшим несчастьем.

Подобно концепту CYNING, DRYHTEN содержит в своей структуре признак «оберегающий, покровитель». В «Беовульфе» встречается употребление лексемы *dryhten* в синонимическом ряду с сочетанием *wigendra hleo* – покровитель воинов, что дает возможность вычленить указанный концептуальный признак: Neht him þa gewurgcean wigendra hleo / eallirenne, eorla dryhten, / wigbord wrætlic – приказал сделать ему покровитель воинов, / из цельного железа, предводитель воинов, / военный щит чудесный (Beo, 2337–2339).

Реликты германского мироощущения сказываются и в наличии концептуального признака «раздающий сокровища», который, как указывалось выше, имел особое значение в контексте германской культуры: se mondryhten se eow ða maðmas geaf – тот господин, что вам сокровища давал (Beo, 2865).

О благородном происхождении конунга свидетельствует сочетаемость с прилагательным *freo* – благородный в составе сложного слова *freodrihten*: Onfoh þissum

fulle, freodrihten min – выпей эту чашу, благородный повелитель мой (Beo, 1169–1170).

В целом, изучение языкового материала героической поэзии обнаруживает сходство между концептами CYNING и DRYHTEN. Однако исследование религиозных поэм позволяет обнаружить существенные различия в структуре указанных концептов, которые обозначились по мере их дальнейшего развития.

Так, например, в отличие от концепта CYNING за концептом DRYHTEN довольно рано закрепляются христианские ассоциации. Уже в «Беовульфе» лексема *dryhten* гораздо чаще употребляется для обозначения Бога, чем конунга, а в религиозных поэмах используется только для обозначения Бога, тогда как слово *cyning* в героической поэзии чаще использовалось по отношению к конунгу, а в религиозной поэзии могло означать и конунга, и императора, и Бога, и сатану. По отношению к конунгу лексема *dryhten* употреблялась преимущественно в составе сложных слов (*mandryhten*, *gumdryhten*) и только в составе сочетаний *eorla dryhten* – предводитель воинов, *Geata dryhten* – предводитель гаутов и т. п., которые, скорее всего, были формульными, устойчивыми.

Итак, анализ языкового материала обнаруживает, что концепт DRYHTEN вызывал в сознании англосаксов скорее представление о Боге, нежели о конунге, предводителе войска. Дефиниционный анализ выявляет наличие в структуре концепта DRYHTEN признака «Господь, Бог»: *the Supreme ruler, the Lord* (Bosworth). Об этом же свидетельствует и сочетаемость с существительным *god* – Бог: *nu ic, god dryhten, ongiten hæbbe* – теперь я, Господь Бог, понял (An, 897), *ge-seoh nu, dryhten god, drohtað mine* – видишь теперь, Господь Бог, дела мои (An, 1281). То, что лексема *dryhten* применялась для обозначения Бога, подтверждается и таким сочетанием: *getimbrede, temple dryhtnes / on Caluarie Criste to willan* – построила храм Господень / в Калварии, Христу в угоду (El, 1009–1010).

Исследование показало, что Бог концептуализируется в представлении англосаксов как некто, имеющий верховную власть. Данный концептуальный признак можно выделить из таких словосочетаний, как *dryhtna dryhtne* – Владыка владык (Jul, 594; El, 371). С этим признаком переплетается признак «тот, кому подвластно все человечество», эксплицирующийся в следующем

контексте: *of deaðe aras, dryhten ealra / hæleda cynnes, ond to heofonum astah* – из мертвых восстал, Господь каждого / из рода человеческого и на небеса вознесся (El, 187–188). Кроме того, в религиозной поэзии часты такие сочетания, как *weoroda dryhten* (El, 896; An 173), *dryhten gumena* (An, 621), *duguda dryhten* (El, 81; An 698), которые можно перевести, как Владыка рода человеческого, и в которых также эксплицируется указанный концептуальный признак.

Следует обратить особое внимание на то, что в религиозной поэзии появляются многочисленные сочетания *sigora dryhten* – Владыка победы (Jul, 361; El, 346, 1139). В «Беовульфе» встречается похожее сочетание компонентов *dryhten* и *sige* – победа в составе сложного слова, но оно встречается только один раз и употребляется по отношению к королю Хигелаку: *Eow het secgan sigedrihten min, / aldor Eastdena* – Вам велел сказать мой победоносный конунг, владыка восточных данов (Beo, 391). В целом же для героической поэзии такие сочетания нехарактерны. В религиозной поэзии подобные сочетания настолько многочисленны, что представляется целесообразным выделить отдельный концептуальный признак «победитель». Думается, что появление в концепте DRYHTEN этого признака неслучайно, и его важность едва ли можно недооценить. Актуализация концептуального признака «победитель» является весьма значимой в представлении воинствующих англосаксов. Именно такой образ Христа-победителя, подобный привычному образу удачливого в битвах конунга, был понятен и близок англосаксонским воинам. Ведь удачливый в бою конунг – это именно тот вождь, за которым стоит последовать, с которым и за которого стоит сражаться. Не таков ли Христос? Своей крестной смертью искупив грехи человечества, победив сатану, смерть, Он конечно же являет собой образ наивысшего победителя, того, кто выиграл самую главную битву человечества.

Можно предположить, что в сознании англосаксов образ Христа действительно должен был сближаться с образом конунга. Христос, возможно, представлялся им как конунг, ведущий свою дружину на битву с сатаной. Христос призывает на битву всех, но не все откликаются на Его призыв, не все оказываются в состоянии выдержать эту битву и выйти из нее победителем. Но те, кто истинно верен Христу, конечно же

остаются с Ним, побеждая врагов Его именем и во имя Его. Но ведь и от воинов германской дружины требовалась верность вождю, дружинники были обязаны защищать вождя и отдать за него жизнь, если это потребуется. И даже награда, ожидающая преданных Христу воинов, похожа на ту, что ожидали за преданность конунгу воины-язычники. По германским представлениям, как известно, воины, павшие на поле битвы, переселяются в Вальгаллу, где их ждет вечный пир. Воины, павшие в битве за Христа, попадают в рай, где их ждет вечная радость и вечный пир.

Те, кто хочет сражаться за Христа, должны принять Крещение. Об этом Таинстве упоминается в поэме «Андрей»: *onfon... fullwihtes bæð / dryhtne to willan* – принять... крещения омовение / Господу в угоду (An, 1640–1641).

В сочетаниях с существительным *lufu* – любовь эксплицируется еще один новый концептуальный признак – «любовь»: *þæt hi lufan dryhtnes*, / *ese eadgiefe anforleton* – что они любовь Господа, / вечного дарителя блаженства утратили (Jul, 501–502). Любовь Господа – это лучшее, что может получить человек, и великое горе тому, кто теряет ее: *ðu unsnyttrum anforlete / leohta beorhtost ond lufan dryhtnes*, / *þone fæggran gefean* – ты по глупости отрекся / от ярчайшего света и любви Господа, / этой прекраснейшей радости (El, 946–947).

Любовь Господа к людям – это любовь отца к детям. Как показывает анализ, в структуре концепта DRYHTEN присутствует признак «отец»: *wel bið þæm þe mot / æfter deaðdæge drihten secean / ond to fæder fæþmumfreoðo wilnian* – благо будет тому, кто сможет / после смерти Господа обрести / и в объятиях отца миром насладится (Beo, 186–188). С данным признаком связан, как нам представляется, концептуальный признак «мир, покров, защита»: *fram þam fastenne on frið dryhtnes* – из оков под покров Господа (An, 1034).

В сознании верующих Господь предстает как податель всяческих благ – как материальных, так и духовных: *þe dryhten geaf / weland ond wiste ond woruldspede* – тебе Господь дал / богатство и изобилие, и удачу в мире (An, 317–318). При этом любопытно, что помимо богатства и изобилия, от Бога ожидают и военных удач: *Ac him dryhten forgeaf / wigspeda* – Но им Господь дал удачу в войне (Beo, 696–697). Итак, Господь не

только является «владыкой победы», Он дает победу и людям: *cyning... / sigora sylend – Царь... / победу дающий* (Jul, 704–705). Интересно, что военные успехи теперь нужны или для прославления имени Господа, или для защиты интересов своего государства, но не ради стяжания славы воинами. Воины теперь ищут славы у Господа: *Forgife þe dryhten domweorðunga* – Да дарует тебе Господь славу достойную (An, 355).

Концептуальный признак «творящий милость» выделяется из следующего контекста: *Swa þeah him dryhten eft / miltse gefremede*, *þæt he manegum wearð / folca to frofre* – Так ему Господь скоро / милость сотворил, что он многим стал / людям утешением (El, 500–503). В данном эпизоде говорится о жестоком гонителе христиан язычнике Савле, которому явился Господь, после чего Савл чудесным образом преобразился и известен теперь всему миру как апостол Павел. Учитывая историко-культурный контекст, представляется возможным выделить также признаки «преображающий чудесным образом», «сотворяющий чудо».

С выделенными признаками переплетается признак «сакральность», который связывается с тем, что Бог владеет судьбами людей, во власти Господа предначертать судьбу целого народа: *eow dryhten geaf dom unscyndne* – вам Господь дал судьбу неискраженную (El, 365), *swa him dryhten sylf / ...hlyt getæhte* – как им Господь сам / ...судьбу открыл (An, 5–6).

Для христианина естественно благодарить Бога за все, происходящее с ним: *sæde metode þanc / ðæs dægweorces þe him drihten forgeaf* – возблагодарил Творца, / за день работы, что ему Господь даровал (M, 147–148). При этом благодарят также и за трудности, и испытания, которые посылает Господь. Апостол Матфей, находясь в заточении у племени людоедов, готовившийся к мучительной смерти, не переставал благодарить Бога и славить Его: *geseh he Matheus in þam morðorcofan*, / *...secgan dryhtne lof* – увидел он Матфея в комнате смерти, / *...воздающего Господу хвалу* (An, 1004–1006).

Христианский Бог в отличие от языческих богов не требует от людей жертв. Он Сам принес Себя в жертву во искупление грехов человечества: *þa dyne up ðe dryhten ær / ahangen wæs* – на горе наверху, где прежде Господь / распят был (El, 717–718). Концептуальный признак «спаситель», новый в структуре концепта DRYHTEN, выде-

ляется из следующего контекста: *dryhten hælend* – Господь спаситель (EI, 725; An, 541). От верующих Господь ждет выполнения Его воли: *hwæt wæs wære dryhtnes willa* – какова была Господа воля (EI, 1159), *dryhtne to willan* (EI, 193).

Употребление лексемы *dryhten* в синонимическом ряду с существительным *metod* – творец, и в аллитерационной коллокации с *demend* – выносящий приговор, свидетельствует о наличии в структуре концепта DRYHTEN признаков «творец», «судья»: *metod hie ne cyfon, / dæda demend, ne wiston hie drihten god* – Творца они не знали, / поступков Судью, не знали они Господа Бога (Beo, 180–181).

Кроме того, в содержании концепта DRYHTEN обнаруживается признак «тот, кто устанавливает закон»: *þara þe dryhtnes ædurnan woldon* – тех, кто закон Господа скрыть хотели (EI, 970), *ða ðe dryhtnes a deman cyðon* – те, кто закон Господа могли чтить (An, 1194). Бог наказывает тех, кто не выполняет и нарушает Его заповеди: *þone swealm gewgæs / ece drihten, þæs þe he Abel slog* – за то убийство отомстил, вечный Господь, того, кто Авеля убил (Beo, 107–108). В приведенном контексте эксплицируется признак «наказывающий».

Помимо указанных концептуальных признаков, в атрибутивной сочетаемости с лексемами *ece* – вечный (Beo, 108, 1779; An, 202, 343, 510), *halig* – святой (Beo, 686), *mihtig* – могущественный (Beo, 1398), *witig* – мудрый (Beo, 1553, 1841), *halig* – святой (Beo, 686) эксплицируются признаки «обладающий вечностью», «существующий вечно», «святой», «могущественный», «мудрый».

В свете изложенного очевидно, что содержание концепта DRYHTEN претерпевает значительные изменения под влиянием христианского мировоззрения. Концептуальный признак «Бог, Христос» стал доминирующим в структуре данного концепта. В языковом плане эти изменения находят выражение в том, что лексема *dryhten* стала использоваться для обозначения единого Бога. Если в более древних смысловых пластах героического эпоса DRYHTEN представляется как предводитель дружины, то в поэмах религиозного содержания, в которых отразилось христианское мировидение, данный концепт ассоциируется исключительно с Богом.

В целом, результаты исследования свидетельствуют о различиях содержания кон-

цептов CYNING и DRYHTEN, которые выявляются на основании того, что лексемы, соотносящиеся с этими концептами, несут неодинаковую функциональную нагрузку в поэтических памятниках. Анализ языкового материала религиозных поэм свидетельствует о происходящем переосмыслении содержания исследуемых концептов в результате существенных сдвигов в мировоззрении, духовной культуре общества, происшедших в связи с христианизацией англосаксов.

Список литературы

Гвоздецкая Н. Ю., Шапошникова Е. А. Семантическое толкование слова в глоссариях к современным изданиям древних памятников (на материале древнеанглийской поэзии) // Древние языки в системе университетского образования: их исследование и преподавание. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2001. С. 93–101.

Гуревич А. Я. Средневековый героический эпос германских народов // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М.: Худож. лит., 1975. С. 5–26.

Кравченко А. В. Классификация знаков и проблема взаимосвязи языка и знания // Вопр. языкознания. 1999. № 6. С. 3–12.

Кубрякова Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 141–172.

Кузнецов А. М. Когнитология, «антропоцентризм», «языковая картина мира» и проблемы исследования лексической семантики // Этнокультурная специфика речевой деятельности: Сб. обзоров / Отв. ред. Н. Н. Трошина. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 8–22.

Лебедько М. Г. Время как когнитивная доминанта культуры. Сопоставление американской и русской темпоральных концептосфер. Владивосток: Изд-во Дальневост. гос. ун-та, 2002. 240 с.

Левицкий В. В. Этимологический словарь германских языков: В 3 т. Черновцы: Рута, 2000. Т. 1. 260 с.

Раков А. В. Имя в «Беовульфе» // Творчество писателя и литературный процесс. Язык литературы. Поэтика: Межвуз. сб. науч. тр. Иваново, 1995. С. 124–131.

Тацит К. Германия. URL: <http://cyrill.newmail.ru/tacit.html> Дата обращения: 13.02.2002 г.

Феоктистова Н. В., Лемберская А. А. К вопросу о системности в лексике (на материале древнеанглийских слов со значением «помощь», «защита») // Системное описание лексики германских языков. Межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. К. А. Иванова. Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1981. Вып. 4. С. 78–85.

Чернейко Л. О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. М., 1997. 320 с.

Шапошникова И. В. Системные диахронические изменения лексико-семантического кода английского языка в лингвоэтническом аспекте. Иркутск, 1999. 243 с.

Шервуд Е. А. От англосаксов к англичанам. М.: Наука, 1988. 240 с.

Bosworth J., Toller T. N. An Anglo-Saxon Dictionary. N. Y.: Oxford University Press, 1997. 1302 p.

Список источников

A – Andreas: URL: <http://www.georgetown.edu/labyrinth/library/oe/texts/a2.1.html>

Beo – Beowulf. Heyne – Schückings. Verlag Ferdinand Schöningh, Paderborn, 1963. 106 p.

Br – The Battle of Brunanburh: URL: <http://loki.stockton.edu/~kinsellt/litresources/brun/brun2.html>

El – Elene: URL: <http://www.georgetown.edu/labyrinth/library/oe/texts/a2.6.html>

Jul – Juliana: URL: <http://www.georgetown.edu/labyrinth/library/oe/texts/a3.5.htm>

M – The Battle of Maldon // Sweet's Anglo-Saxon Reader in Prose and Verse. 14thed. L.: Oxford University Press, 1959. P. 111–120.

Материал поступил в редколлегию 07.07.2006